

По-настоящему большие проблемы ЕС

Уважаемые читатели! Вышел в свет новый 86-й номер интернет-журнала «Вся Европа», издаваемого Европейским учебным институтом в сотрудничестве с российско-люксембургским журналом «Альянс». В нем, как и во всех предыдущих, рассказывается о происходящем в Европейском Союзе и отношениях между Россией и ЕС. Анализируются последние события и новейшие тенденции в политической, экономической, социальной и культурной жизни и правоприменительной практике ЕС и его государств-членов, интересные для российского читателя, в том числе, под углом зрения Великого Герцогства как второй столицы ЕС и одного из крупнейших мировых финансовых центров.

У Европейского Союза проблем хватает. С лихвой. Их много. Даже чересчур. Куда ни глянь, сплошные проблемы. Перечислять – не один день уйдет. Как неназойливо отмечает рупор финансовых кругов газета «Файнэншл Таймс» устами одного из своих комментаторов, «рано утверждать, будто г-н Драги окончательно победил в войне за евро. Еврозона по-прежнему сталкивается с глубинными экономическими и политическими проблемами, неподвластными президенту Европейского Центрального Банка и его коллегам. Что г-ну Драги действительно удалось сделать, так это выиграть для евро немного времени... Однако во многих странах еврозоны экономическое положение по большому счету все еще не слишком радужное. К тому же политические последствия продолжительного скольжения вниз по наклонной плоскости только сейчас начинают проявляться»[1]. Причем не исключено, что болезнь, которой еще не до конца переболела периферия, «перекинулась теперь на ядро ЕС»[2].

Попробую «огласить только начало списка». Перво-наперво, **недопустимо высокая безработица**. Особенно среди молодежи. Она подскочила до небес из-за бездумно, фронтально проводившейся ЕС и государствами-членами политики жесткой экономии. Теперь она «отказывается» снижаться. Что бы не предпринимали. Как бы не усердствовали. Что бы не выдумывали. Как свидетельствуют результаты специализированных исследований, молодым людям на рынок труда пробиваться все сложнее[3].

По состоянию на конец апреля 2014 г. в ЕС насчитывалось 25,9 млн безработных (на 244 млн трудоспособного населения). С 2007 г. количество безработных в ЕС выросло на 11 млн человек[4]. За первые месяцы 2014 г. улучшения не произошло. В еврозоне уровень безработицы замер на отметке в 11,9%. В Испании – в 25,6%. В Италии даже вырос до 13%[5]. Причем и эти страшные цифры не раскрывают всей правды.

По данным ОЭСР, в Греции, Ирландии и Италии половина из тех, кого выбросили на улицу, не может найти работу уже свыше года[6]. Во Франции 22% тех, кто получил диплом об окончании средней школы в 2010 г., до сих пор (т.е. в течение трех лет) не нашли работу[7]. Это худший показатель за все время наблюдений, которые ведутся с начала 1970-х годов[8].

Немудрено, что молодые дипломированные специалисты, надежда европейских держав на возвращение в лидеры мировой экономики, пытаются отыскать работу за пределами ЕС. Кто-то – в США. Кто-то, прежде всего испанцы и португальцы, – в своих бывших колониях, постепенно берущих на себя функции метрополий. Кто-то – в других быстро поднимающихся странах.

Утечка мозгов – для них сравнительно новое явление. До последнего времени оно замалчивалось. О нем предпочитали не упоминать. С апреля 2014 г. это один из широко дебатлируемых вопросов. В частности во Франции им занялось Национальное Собрание. 8-9 апреля оно посвятило им первые публичные слушания. Сначала в формате заседания финансового комитета. Потом обсуждение продолжилось на пленарке[9].

По данным ОЭСР, повсюду в развитом мире ситуация на рынке труда сейчас по-прежнему хуже, чем в докризисный период. Но наиболее аховая она в еврозоне и главным образом, конечно же, в Греции и Ирландии[10]. Как с грустью констатируется в «Панораме общества» за 2014 год, регулярно выпускаемой ОЭСР, экономика ЕС до сих пор так и не вышла на предкризисные показатели. Однако, что еще хуже, рынок труда ужасно «деградировал» – огромное количество людей просто не в состоянии «сводить концы с концами»[11].

Причем, как предупреждают промышленники, в ближайшее время на улицу может быть выкинут еще один большой отряд трудящихся. В результате деиндустриализации Европа потеряла текстильную промышленность. Затем сталелитейную. В ближайшие несколько лет, если нынешний тренд сохранится, она потеряет и химическую промышленность. А это 5 млн рабочих мест[12].

Разорение мелких и средних предприятий. По ним политика жесткой экономии ударила сильнее всего. Они стали ее непосредственными жертвами. За последние годы закрылись сотни тысяч предприятий. Существование многих из тех, кому удалось выжить, находится под угрозой. А ведь в прошлом именно на них делалась ставка. Они придавали устойчивость всему хозяйственному комплексу стран ЕС.

Несмотря на, вроде бы, начавшийся экономический подъем, странам ЕС не удастся пока преодолеть негативные последствия затяжного кризиса и выправить ситуацию со спасением средних и малых предприятий и восстановлением их кредитования. Такие заголовки газет, как «Все больше и больше предприятий испытывают трудности»[13], говорят сами за себя. За первые три месяца 2014 г. во Франции обанкротилось 17 тыс. предприятий. В пересчете на год количество банкротств увеличилось на 3,4%. Правда, ситуация противоречивая. Предприятия, в которых занято свыше 50 человек, чувствуют себя увереннее. Они стали закрываться на 28% реже, чем раньше. А вот малым предприятиям совсем тяжело. По ним статистика очень плохая. Число банкротств в этом сегменте подскочило аж на 14%[14].

И это притом, что в Европе крайне не любят доводить дело до банкротства (в отличие от США). Здесь до последнего пытаются спасти тонущих. Невзирая ни на что, продолжают давать им деньги в долг, накапливая на банковских балансах невозвратные долги. Поменять психологические установки призвано самое последнее законодательство ЕС, внешне упрощающее трансграничные процедуры. Но, по мнению экспертов, оно составлено не слишком удачно, и мало что меняет[15].

Падение покупательной способности населения. Очень серьезное. Действительно осязаемое. В результате снижения и замораживания заработной платы. Издевательских экспериментов над пенсиями. Массовых увольнений государственных служащих. Так называемой либерализации рынка труда, вынуждающей тружеников, чтобы не оказаться на улице, самим отказываться от части социального пакета. Снижения субсидий. Уменьшения

объема и сокращения линейки социальных выплат. И это несмотря на то, что потребительский спрос является движущей силой принятой в Европе модели экономического развития.

В Греции, например, покупательная способность снизилась настолько, что 23,7% населения оказались за чертой бедности. От 2 до 3 млн человек лишились страховки по болезни, поскольку она привязана к заработной плате, а 28% трудоспособного населения выброшено на улицу[16]. Если верить официальным данным. Повсеместно в ЕС выплаты по безработице существенно сократились. Значительная часть новых рабочих мест создается таким образом, чтобы посадить людей на временные контракты, платить им поменьше и оставлять без социального пакета[17].

Последнее время много пишут о стремительном увеличении спроса на новые автомобили. Мол, смотрите, какая позитивная динамика. В марте, по данным Европейской ассоциации автомобилестроителей, спрос вырос на 10,6%. За первый квартал 2014 г. - на 8,4%[18]. В Великобритании - на 13,7%. Испании - на 11,8%. В Португалии и Ирландии - на 40% и 23% соответственно[19]. Все так. Только не надо обольщаться: объем продаж пока намного ниже, чем в докризисный период[20].

Неуверенный выход из рецессии. Свет в конце туннеля виден уже давно. О нем радостно вещают со всех трибун. О нем без устали пишут все, без исключения, ангажированные экономисты, комментаторы и обозреватели мировых СМИ. Наверное, потому, что у них зрение лучше. Или очки с большими диоптриями. Однако свет какой-то бледный. Тусклый. Рассеянный.

Частный бизнес, хозяева и управляющие компаний, в том числе инвестиционных фондов, констатирует «Файнэншл Таймс», воспринимают начавшийся циклический подъем экономики региона с большой долей скептицизма, указывая на то, что против него работают слишком много макроэкономических, социальных, демографических и иных факторов[21]. Особые опасения бизнеса вызывает неуверенный, неустойчивый и неодинаковый рост экономики еврозоны. Недоверие вызывает отставание континентальных стран от США и Великобритании. Расстыковка экономического цикла между ними, проявляющаяся в том, что США и Великобритания собираются переходить к ужесточению монетарной политики, а страны еврозоны, наоборот, к смягчению. Беспрецедентный для последнего времени разрыв в стоимости заимствований на открытом финансовом рынке для США и Великобритании, с одной стороны, и Германии, не говоря уже о других странах еврозоны, - с другой[22].

Во всех прогнозах развития мировой экономики МВФ предупреждает, что страны ЕС ждут годы слабого, неустойчивого и неравномерного роста[23], хотя ситуация сейчас и выглядит намного лучше, чем еще год назад[24]. К тому же сам по себе выход из рецессии означает лишь, что ЕС некоторое время назад достиг дна. Теперь надо подниматься и расчищать авгиевы конюшни, загаженные кризисом и топорным исполнением политики жесткой экономии.

Вот что по этому поводу пишут авторы «Файнэншл Таймс» применительно к Португалии. Можно сколь угодно оптимистично повышать прогноз экономического роста страны с 0,8% до 1,2% и т.д. Можно взахлеб радоваться удачному размещению новых заимствований на свободном финансовом рынке и большому спросу на них. Но это все не компенсирует того, что на жизни простых португальцев улучшение макроэкономических показателей никак не

отразилось. Граждане Португалии, гражданское общество слишком сильно пострадали от безработицы, сокращения бюджетных расходов на социальные нужды, повышения налогов – они теперь самые высокие в развитом мире[25], частичного отказа от системы социального обеспечения[26].

Высокая суверенная задолженность. Формально вся политика жесткой экономии затевалась для того, чтобы снизить ее бремя и, как следствие, сделать экономику стран ЕС на порядок более привлекательной, эффективной и динамичной. Парадокс, однако, в том, что либо несмотря на нее, либо из-за нее задолженность подскочила вверх. Почти до 95% совокупного ВВП региона. Приблизившись к 97% во Франции, 126% в Ирландии, 130% в Италии и 180% в Греции[27]. В абсолютных цифрах рекордсмен – Италия. Ее долг превысил 2 трлн евро.

К началу 2014 г. ситуация стабилизировалась. Задолженность в отдельных странах начала снижаться. Правда, несущественно. Почти летаргическими темпами. Заторможено. Всем очевидно, что этого мало. Нужны неустанные усилия. По-прежнему суверенная задолженность висит тяжеленными гирями на ногах и руках государств-членов, заставляя их слишком много тратить на ее обслуживание.

По подсчетам «Файнэншл Таймс», полученным на основе данных МВФ, в 2014 г. периферия еврозоны должна будет изыскать на эти цели 130 млрд евро. Из каждого евро бюджетных доходов на обслуживание долга Греции, Ирландии, Испании, Италии и Португалии придется потратить 10 центов. Для остальных 13 стран еврозоны это соотношение составляет 3,5%. Конечно, здорово, считают британские комментаторы, что цена заимствований на свободном финансовом рынке для них падает. Но «раны», нанесенные кризисом, остаются. Периферийные экономики крайне ослаблены. До их восстановления еще далеко. Поэтому долги растут и будут расти. А неподъемная задолженность – съедать деньги, которые следовало бы вложить в реальный сектор экономики и поддержание социальных страховочных сетей. Пример для иллюстрации. Португалии выставят счета в 2014 г. на 7,3 млрд евро. Сумма превышает расходы страны на образование и приближается к бюджетным тратам на здравоохранение[28].

Пока деньги дешевые и займы удается получать под мизерный процент, государства-члены ЕС еще кое-как справляются. Но грядет эра дорогих денег. Федеральная резервная система постареется. Или/и Банк Англии. Хотя МВФ и утверждает, что деньги долго будут оставаться дешевыми, и с обслуживанием долгов трудностей не возникнет[29]. Вот тогда-то опрометчиво влезшим в долги действительно не поздоровится.

Возможен и другой сценарий, предупреждают специалисты. Что-то вновь напугает инвесторов и кредиторов, и они бросятся вкладываться в облигации экономически более устойчивых стран – США, Великобритании и Германии, избавляясь от ценных бумаг периферии ЕС[30].

Повсеместный **кризис национальной государственности** в условиях глобализации. Трудно сказать, насколько это объективный процесс, но в рамках ЕС и реализуемого им интеграционного процесса национальное государство ощутимо слабеет. Причем одновременно повсюду оно начинает функционировать менее эффективно. Целеустремленно. Продуманно. И в социальной сфере, и в экономической.

Как результат, растет социальная напряженность. Усиливаются протестные настроения. Падает влияние классических политических партий.

Гипертрофированное развитие получает сектор услуг, в условиях нестабильности моментально заражающий своими болезнями и недомоганиями всю экономику в целом. Промышленность, реальный сектор утрачивают былое значение. Их сажают на голодный паек. Сдвигают на периферию. Потом, опомнившись, предлагают всем наверстывать упущенное. Что, естественно, далеко не так просто.

Потеря контроля над финансовым сектором. Тем, что и как делают банки и другие финансовые учреждения. Над оборотом выдуманных ими производных финансовых обязательств. Финансовый сектор фантастически разбух. Возникла ситуация, когда он в основном работает сам на себя. На свое преуспеяние. Отгораживаясь от производства и всех остальных сфер деятельности. От всего того, что нужно людям, что реально происходит на других рынках.

Он превращается не только в кровеносную систему, но и саму экономику в целом. Давя все, что не имеет к нему непосредственного отношения. Вынуждая современное государство приносить на алтарь этого «монстра» все новые и новые жертвы. В том числе своих собственных граждан, их кошельки и благополучие. Заставляя его ставить возвращение контроля на первое место среди приоритетов проводимой им внутренней и внешней политики. Чем сейчас под лозунгом банковского союза и занимаются страны ЕС и его институты.

Превращение спекулятивного капитала в законодателя мод, в главную силу, которая формирует современный образ жизни, представления о том, что можно и что нельзя, что хорошо и что плохо, к чему надо стремиться и на что рассчитывать. Когда-то давно такую роль играли нравственность и мораль, религиозные убеждения, традиции и обыкновения. Теперь в эпоху постмодернизма о них не принято вспоминать. Их время прошло. Сейчас правят бал совсем другие установки. Они создали предпосылки для того, чтобы люди, общество в целом, абсолютно все без исключения в богатых странах стали жить не по средствам, беря свое благополучие взаймы у последующих поколений – предоставляя им возможность когда-нибудь в будущем за него расплатиться. Рассчитывая, что это будущее придет нескоро.

Непростительная ошибка. Это будущее уже настало. Политика жесткой экономии – первая плата по векселям. Вторая и третья тоже не за горами. Спекулятивный капитал подставил всех. От семейных хозяйств до государственных игроков. Ими накоплено критически много долгов, которые вскоре придется отдавать.

Современные Кассандры предсказывают: уже в скором будущем один за другим начнут закрываться банки, опрометчиво вложившиеся не в те активы. Санация других будет осуществляться на кипрский манер. На биржах произойдет разворот, и стремительное обесценение ценных бумаг, которые сейчас в фаворе, станет рядовым явлением. А разбухшие спекулятивные пузыри пойдут лопаться один за другим.

Утрата государствами-членами ЕС значительной **части** из того арсенала **средств управления** общественно-политическими и социально-экономическими процессами, которыми они раньше располагали и могли пользоваться индивидуально и

индивидуализировано, без оглядки на «вышестоящие инстанции» и то, что происходит в других странах, исходя из специфики ситуации, складывающейся именно у них. Средств самого разного порядка, включая регулятивные, административные, экономические и т.д., начиная от государственного заказа и прямого субсидирования до налоговых и иных льгот.

В связи с переходом создания бюджетного союза ЕС в завершающую стадию в дополнение к экономическому и валютному спектр таких средств, находящихся в их распоряжении, еще больше сужается. Ведь теперь они обязаны представлять проекты бюджетов и основные параметры бюджетной политики на суд Европейской Комиссии и согласовывать с ней, в зависимости от ее мнения, необходимые поправки и изменения.

К тому же на горизонте вслед за институционализацией банковского союза маячит дальнейшая федерализация ЕС с возможным переходом на наднациональный уровень даже таких неотъемлемых прерогатив государственного суверенитета, как налоговая политика, по крайней мере в той ее части, которая связана с размерами налогов на корпорации, дивиденды, банковский процент и т.д.

Набирающий силу сепаратизм. Под влиянием дальнейшего углубления интеграционных процессов в зоне ЕС скрепы национальной государственности начинают ослабевать. Тем или иным нациям или регионам гораздо легче встать на путь самоопределения, зная, что они не останутся один на один с возможными осложнениями и неминуемыми трудностями. Бывшее материнское государство не сможет им мстить, поскольку вынуждено будет играть по правилам, общим для ЕС. Одновременно в силу тысячи самых разнообразных причин тот же самый Союз их не оставит в беде. И сознательно, и бессознательно на это делают ставку шотландцы в Великобритании, каталонцы в Испании, обитатели Фландрии в Бельгии.

Дальше всех продвинулась в обретении независимости Шотландия. Формально Великобритания готова ее мирно отпустить в самостоятельное плавание. Референдум по вопросу о независимости, согласованный между Лондоном и Эдинбургом, состоится 18 сентября 2014 г. Но если раньше казалось, что сторонники независимости в меньшинстве, то теперь, согласно опросам общественного мнения, ситуация меняется. В начале марта всего 40% электората готовы были высказаться за отделение. 60% определившихся собирались проголосовать иначе. В том числе 47% (против 41%) принадлежащих к малоимущим слоям и только 20% (против 71%) из более обеспеченных[31]. Однако к середине апреля разрыв между сторонниками и противниками отделения сократился до минимума или даже почти исчез[32].

Лондон допустил тактический просчет, утверждают политологи, пустившись запугивать население теми потерями, которые его ждут в случае отделения. Он жестко отказал националистам в валютном союзе и инициировал заявления руководства ЕС о том, что независимой Шотландии придется добиваться членства в интеграционном объединении как любой третьей стране – ни на какой автоматизм она претендовать не сможет[33]. Моментально настроения среди населения изменились. Англичане опрометчиво задели «национальную гордость»[34].

Теперь все будет зависеть от молчаливого большинства, которое окончательно определится со своим выбором буквально в последний момент. По данным тех же опросов общественного мнения, 20% электората пока колеблются. Плюс надо учитывать, что к урнам собираются

прийти 85% включенных в списки для голосования. Это означает, что 25% электората, обычно пренебрегающих участием в выборах, на этот раз отдадут свои голоса в пользу того или иного решения. Как они будут голосовать, никто предсказать не берется[35]. Но уже сейчас специалисты утверждают: размежевание между Шотландией и Великобританией зашло слишком далеко. Политическая жизнь Шотландии все меньше напоминает британскую и все больше похожа на свойственную независимому государству. В каком направлении указывает вектор истории, ошибиться почти невозможно[36].

Во всяком случае, шотландские националисты, которых никто почему-то не обвиняет в смертном грехе сепаратизма, уверены, что достижение независимости – лишь вопрос времени[37]. Альтернативы независимости нет – поезд уже ушел[38]. У Шотландии есть хорошие шансы превратиться в новую Норвегию[39].

Для англичан это будет страшным, непереносимым ударом: они потеряют все, от былых амбиций не останется и следа[40]. Но не только. Некоторые утверждают даже, что отделение станет невиданным катаклизмом, который на региональном уровне подорвет экономику Великобритании, а на глобальном – развалит всю нынешнюю систему международных отношений и международной безопасности[41].

В остальных странах ЕС картина иная. В апреле парламент Испании отказал каталонцам в праве на проведение референдума по вопросу о независимости. Центральное правительство в очередной раз заявило, что национальное законодательство не дает регионам права на подобное волеизъявление, а отделение противоречит конституции, в которой закреплён неделимый характер испанской государственности. Пригрозило всем тем, кто ее подрывает, международной изоляцией. В том числе от ЕС (!).

Однако каталонцев это ничуть не смутило. Напротив, настроило на боевой лад. Лидеры местных политических партий, выступающих за отделение, заявили, что проведут референдум, хочет этого Мадрид или нет. В разрешениях они не нуждаются. Ведь речь идет о плебисците, который центральные власти запретить не могут. Если же общенациональное законодательство содержит лакуны, их всегда можно заполнить законодательством Каталонии[42].

Что же касается обретения независимости, то призыв добиваться самостоятельности – вынужденный шаг. Если бы Мадрид пошел на содержательные переговоры, от которых он всячески откращивается, и удовлетворил требования каталонцев, нужда в референдуме отпала бы сама собой[43].

Нетипичный случай – Бельгия. Процесс ее «полураспада» идет уже не одно десятилетие. Сначала некогда унитарное государство пошло по пути частичной федерализации. Затем члены федерации отвоевали себе гораздо более широкие права. Сейчас богатую и преуспевающую Фландрию сдерживает от того, чтобы отколоться и разорвать все связи с более бедной Валлонией, только боязнь потерять колоссальные доходы, которые концентрирует в своих руках столичный город Брюссель, – поделить его никак не получается.

Однако недавно вяло текущее препирательство Валлонии и Фландрии по поводу сохранения общего государства или раздела получило неожиданное продолжение. Известнейший

фламандский националист популистского толка Барт де Вевер в ходе очередных дебатов, заявил, что Бельгия является исключительно искусственным образованием. Жителей Фландрии и Валлонии ничего не связывает. Они принадлежат к совершенно разным культурам. И гораздо естественнее было бы, если бы Фландрия вошла в состав Нидерландов, к которым она всегда тяготела[44]. Интересные отголоски украинских событий, не правда ли? Как бы то ни было, нынешнее шаткое статус кво продлится не долго. Все предвещает, что по итогам предстоящих парламентских выборов противостояние усилится. Во Фландрии победят правые. В Валлонии – левые.

Идеи сепаратизма в ЕС сейчас настолько популярны, что дело доходит до гротеска. Главным сепаратистом в Великобритании, например, является не лидер шотландских сепаратистов, а мэр г. Лондона. Он начал выступать за отделение богатой и самодостаточной столицы (средние темпы роста в ней за период с 2007 по 2012 составили 15,4%) от Великобритании уже сравнительно давно. Во всяком случае задолго до обострения ситуации на Украине и вокруг нее[45].

Причем сепаратизм – головная боль отнюдь не только для тех стран, где он уже набрал силу. Это гораздо более сложное явление. Под его знамена встают сейчас, прежде всего, преуспевающие, богатые, динамично развивающиеся регионы, которые не хотят обременять себя заботой о других. О тех, у кого получается хуже. Отсталых, депрессивных областях. Это прямой вызов базовым принципам ЕС, в основе которого, как принято считать, до сих пор лежала солидарность[46].

Возвращение теневой экономики. В докризисный период в ЕС господствовали представления о том, что с теневой экономикой почти покончено. Во всяком случае, в борьбе с ней современное государство одержало безусловную победу. За период с 2008 по 2014 гг. ситуация коренным образом изменилась. Значительная часть бизнеса, который заставили работать в белую, снова ушел в серую зону. По целому ряду вполне понятных причин. Теневая экономика вновь начала расти как раковая опухоль. Она появилась или укрепила свои позиции абсолютно во всех странах региона. В некоторых разрослась до невероятных масштабов, достигнув, по разным оценкам, чуть ли не трети ВВП.

В числе главных приоритетов не только Италии, но и многих других стран ЕС появилась борьба с мафией и, в целом, с организованной преступностью. Тяжелые условия, в которые поставило частный бизнес проведение политики жесткой экономии, послужили питательной средой для проникновения мафии во все сферы экономики. В надежде избежать банкротства и/или закрытия сонмы малых и средних предприятий попросились под ее крыло. Она получила дополнительные возможности входить в капитал крупных компаний, не встречая былого сопротивления. Как описывают сложившуюся ситуацию мировые СМИ, кризис подстегнул инфильтрацию криминальных структур в законный бизнес далеко за географическими пределами их традиционной деятельности. Мафия сейчас контролирует большие куски промышленности, торговли, сферы услуг «также в Риме и Милане и, помимо них, в Испании, Шотландии, Германии, Франции, Нидерландах и других местах»[47].

Более того, в руках Коза Ностры скопились огромные объемы свободных денег. В отличие от независимых предпринимателей преступные группировки легко могут инвестировать их, не заботясь о немедленной отдаче и выплатах по кредитам. Колоссальным преимуществом мафии

стало то, что она приобрела глобальный характер. Времена, когда она опиралась на ту или иную национальную диаспору, давно прошли. Борьба же с организованной преступностью по-прежнему наталкивается на межнациональные и межгосударственные барьеры. К тому же противостоять мафии странам ЕС далеко не так просто. Несмотря на все новейшее законодательство и накопленный опыт. Ведь речь идет о полностью легальном бизнесе, которому нельзя предъявить никакие обвинения. Никакие нарушения им не допускаются. Просто он принадлежит или подконтролен преступному сообществу[48].

Стагнация капиталовложений. Это общая беда. И в США оживление экономики и нынешний вполне приличный экономический рост до сих пор вызваны не ростом инвестиций, а увеличением расходов частных лиц и возобновлением бума на рынке недвижимости. Корпоративные деньги как не шли в экономику, так и не идут.

В ЕС же картинка еще хуже. Банки заняты собой, своим собственным выживанием и восстановлением своей устойчивости. Им не до капиталовложений во что-то еще. Бизнес не верит победным реляциям властей и купленных ими якобы независимых структур и предпочитает выжидать. У семейных хозяйств нет свободных средств.

Вот как описывает сложившуюся ситуацию, например, президент влиятельного исследовательского центра «Еврофи», бывший исполнительный директор Банка Франции Жак де Лярозьер[49]. Придирчивое новейшее посткризисное законодательство вынудило европейские банки осуществить предписанные им меры, что сделало их относительно более устойчивыми. Вместе с тем, их рентабельность существенно снизилась. Приток свежих денег в банковский сектор сократился. Да и имеющиеся свободные средства банки придерживают. Они опасаются давать их в займы бизнесу из-за возросшей угрозы корпоративных банкротств. В результате с выдачей ими кредитов беда. «Кредитная засуха» бьет даже по перспективному бизнесу. Во Франции 29% заявок на кредиты, поступающие от бизнеса, либо вообще не удовлетворяются, либо удовлетворяются частично. В Италии бизнес сталкивается с еще большими трудностями. Там этот показатель достиг 48%. Не удивительно, констатирует опытейший функционер, что экономика Европы серьезно ослаблена.

Порочный круг мог бы разорвать только обильный поток инвестиций со стороны государства, ломающий нынешний тренд. Но государства, увы, спеленаты навязанной им политикой жесткой экономии. Следуя ее постулатам, они сокращают расходную часть бюджета. Попытки вернуть себе свободу маневра пока слишком робкие. Многие страны ЕС хотели бы отказаться от проведения политики жесткой экономии или хотя бы смягчить ее. Они от нее всячески откращиваются. Но пока больше на словах.

Разочаровывающе низкие темпы экономического роста. Былые страхи позади. Экономика ЕС и государств-членов вновь начинает расти. Прогноз в целом благоприятный. Оживление набирает обороты. Но есть и существенные «но». Рост неуверенный. Вялый. Скорее, рахитичный. Вызывающий недоверие. И у своих, и у чужих. Однако главное – не нынешний рост. Это дело наживное. К тому же преходящее. А перспектива. Вот она-то отнюдь не радужная.

Абсолютно все, чуть ли не без исключения, предрекают зоне ЕС низкие темпы роста на десятилетия вперед. Отдельные экономисты, правда, с этим не согласны. Они настаивают на

том, что в упадке Старого континента ничего детерминированного нет. Надо просто решительнее браться за преобразования, утверждают они. Может быть. Только практика – лучший критерий истины. А веских аргументов, почему она не меняется, они не приводят.

Наиболее ёмкое определение нынешнему состоянию дел дала исполнительный директор МВФ Кристина Лагард. Сначала при презентации очередного доклада Фонда, а затем на апрельской встрече министров финансов G20 она заявила, что «глобальная экономика переворачивает страницу Великой рецессии, хотя в целом экономический рост по-прежнему слишком медленный и слабый»[50].

Особенно плохие показатели у Европы. Хуже только у еврозоны. В 2013 г. рост еврозоны был отрицательным. Он составил -0,4%. Прогноз на 2014 г. – 1%. По сравнению с другими регионами показатели самые низкие. У США они – 1,9% и 2,8% соответственно. Китая – 7,7% и 7,5%. Японии – 1,7% и 1,7%. Великобритании – 1,7% и 2,4%[51].

Угроза дефляции. У всех перед глазами негативный пример Японии. По своей эффективности, качеству, добавленной стоимости японская экономика уверенно выходила на первые позиции в мире. Дефляция лишила ее стимулов к росту. Заставила сбавить обороты. Подстрелила на лету. На десятилетие, а то и больше страна погрузилась в полусонное состояние, растеряв многие из тех преимуществ, которые имела. Для ЕС дефляция может оказаться еще более страшным злом, поскольку помешает ряду стран окончательно встать на ноги после длительного периода рецессии.

Вызываемые ею пагубные последствия хорошо известны[52]. Снижение цен заставляет потребителей откладывать на потом запланированные траты. Частным лицам, предпринимателям и правительствам становится тяжелее расплачиваться по долгам. Проводить любые реформы, необходимые для адаптации хозяйственного механизма к функционированию в новых условиях, тоже делается сложнее[53]. Никто не хочет ни брать кредиты, ни инвестировать[54].

Отложенный спрос, в лучшем случае, замедляет экономический рост. В худшем – провоцирует стагнацию[55]. Представьте, вы ведете автомашину и по ошибке, вместо третьей или четвертой скорости, врубаєте нейтралку. Чтобы вы не делали, как бы на газ не жали, машина все равно быстрее катится не может.

По данным Евростата, в марте инфляция опустилась до 0,5% в пересчете на год (в том числе в Германии – до 0,9% и в Испании – до 0,2%)[56], перепугав политиков и управленцев и заставив всех вновь уповать только на нетрадиционное поведение или эвристические задумки ЕЦБ[57]. То упрекая его во всех тяжких, включая попустительство утяжелению общей европейской валюты[58], или отсутствию политической воли [59]. То подначивая и увещевая, как ВМФ[60]. То требуя незамедлительных действий вместо общих слов и обещаний[61].

Углубляющееся **неравенство между бедными и богатыми**. Между благополучным, преуспевающим Центром и нищающей Периферией. Это бич Европейского Союза. Весь смысл существования интеграционного объединения, как оно задумывалось, состоял в выравнивании уровней экономического развития и создании социума, в котором все слои общества чувствовали бы себя достаточно комфортно. Приходится констатировать, что в этой части

европейский проект провалился. С треском. Хуже того, обнажив грустную истину, вернее, пару истин, которые до этого усиленно скрывались.

Истина номер раз. Раньше власть имущие искусно подкармливали народ, чтобы он ни в чем не сомневался. Они делали все для того, чтобы он радостно и самозабвенно поддерживал проект, в котором ему отводится роль послушного стада. Этот обман и позволил им с такой легкостью переложить все тяготы глобального кризиса, а затем кризиса суверенной задолженности на плечи рядовых работяг, среднего класса, а самим на нем нажиться. И очень даже неплохо. Сейчас даже МВФ спохватился, что для традиционного душителя социального прогресса совершенно не свойственно, и призвал уделять социальному равенству гораздо большее внимание[62]. А издания, близкие предпринимательским кругам, бросились объяснять, что забота о социальном равенстве вовсе не препятствует конкурентоспособности, повышению доходов и экономическому росту[63].

Истина номер два. Столько всего было придумано, дабы убедить малые и средние страны в том, что об их интересах пекутся, что они такие же дорогие гости за общим столом, как и все остальные. Кризис и то, как ЕС выходит из него, развенчали и эту сказочку. Правят бал в ЕС несколько крупнейших государств. Всем остальным предлагается не портить шеренгу и выстраиваться во фронт. Хотят они этого или нет, не важно. Их не спрашивают. По большому счету, осталась вообще одна единственная страна, которая принимает решения, хотя в обсуждении и участвуют остальные, - это Германия. Хороша демократическая конструкция. Просто любо-дорого.

Другая ипостась той же проблемы. Некоторые страны перенесли глобальный экономический кризис без больших потерь, а от кризиса суверенной задолженности соседей даже выиграли. Другие испытали на себе все их тяготы, которые политика жесткой экономии еще и усилила. И возвращение этих стран на свободный финансовый рынок, по поводу чего руководство ЕС и государств-членов во главе с Ангелой Меркель[64] сразу же принялось бить в литавры, никого не должно обманывать, предупреждают недоверчивые французы[65], а тем более, англичане[66] и все сколько-нибудь объективные комментаторы[67]. Необходимо помнить, какой ценой оно им далось.

Под видом помощи Греция вынуждена была взять от партнеров по ЕС и МВФ кредиты на общую сумму в 240 млрд евро[68]. Предоставление кредитов было обусловлено драконовскими условиями. Выполняя взятые на себя обязательства, Афины сократили число государственных служащих на 200 тыс. человек или, иначе, на четверть (до 610 тыс.). Тем, кому удалось избежать увольнений, снизили заработную плату на от 7 до 55%. Практика выплаты 13-ой и 14-ой зарплаты приказала долго жить[69]. Пострадали многие социальные программы. От части социальных выплат пришлось отказаться. Количество койко-мест в больницах уменьшилось на 10 тыс.[70] Найм нового медицинского персонала был прекращен. Как свидетельствуют специальные исследования, произошла невиданная в мирное время общая деградация системы здравоохранения[71]. Расходы на образование за период с 2008 по 2013 гг. упали на 28,3%. В частном секторе минимальная заработная плата была снижена с 751,39 до 586,08 евро. Большущий кусок отрезали от пенсий. Впервые они пострадали еще в 2010 г. Теперь, по данным за 2013 г., их снова понизили на от 5 до 15%[72]. Рынок труда подвергся дерегуляции. Безработица подскочила до 28% (по сравнению с 7,5% в 2009 г.)[73]. А ведь Греция все равно

самостоятельно по долгам не расплатится. Как бы этого не хотелось, а списать их иностранным кредиторам все равно придется[74].

Неопределенность в распределении полномочий между наднациональными институтами и государствами-членами. И те, и другие и сами запутались, и все третьи страны окончательно запутали. Вроде, принятие Лиссабонского договора в этом отношении должно было навести порядок. Все-таки в нем вводится деление полномочий на исключительные, совместные и поддерживающие и дается их перечень.

Однако, как утверждал Гете, «суха теория, но зеленеет древо жизни». В действительности институты ЕС и государства-члены занимаются бесконечным каждодневным перетягиванием каната. Рядовые государства-члены уже реально не знают, что они могут делать самостоятельно, а что нет. Институты же пользуются каждым случае и, прежде всего, переговорами с третьими странами, чтобы дернуть одеяло на себя.

К тому же, крупные страны имеют возможность время от времени, когда соответствующие возможности подворачиваются, приватизировать наднациональные структуры или же действовать в обход них. Чем они усиленно и занимаются. Ничуть по этому поводу не переживая.

II

Для начала списка вполне достаточно. Об уже перечисленных и многих других проблемах и предложениях по их решению читайте в последующих выпусках журнала. Проблем у ЕС, действительно, хватает. Но есть проблемы и проблемы. Между ними, как говорится, «дистанция огромного размера». Так вот: **у Европейского Союза больших, крупных проблем - всего четыре.** По-настоящему больших и крупных. Масштабных. Неподъемных. **Они называются Германия, Великобритания, Италия и Франция.** В этом номере ограничимся подробным разбором только одной из них.

Эти проблемы давят ЕС. Душат. Взрывают изнутри. Предопределяют авантюризм и отсутствие слаженности на международной арене. Вводят в заблуждение внешних игроков. Заставляют сомневаться в том, что из себя на деле представляет ЕС. В каком направлении движется. Какова его истинная политика. Как она будет эволюционировать. Что от него можно ждать в будущем. Остальные проблемы поменьше. Из номера в номер затрагивали их. Высвечивали те или иные аспекты. Отслеживали новые моменты. Анализировали, что предлагается для их решения. Настало время разобраться в них более основательно.

Первая большая проблема касается целостности ЕС, его монолитности, возможно, коренного реформирования. Ее олицетворением и первопричиной является Великобритания.

С точки зрения мировой политики, **Великобритания** является наиболее важным членом ЕС. Она придает ЕС глобальное измерение. Превращает в мирового игрока первой величины. Добавляет ЕС внушительный военный, финансовый, стратегический потенциал. Распространяет влияние ЕС чуть ли не на полпланеты. Поднимает ЕС до уровня привилегированного партнера Соединенных Штатов, служа мостиком между двумя частями Атлантики и проводником американской политики в регионе. Придает ЕС на порядок большее разнообразие. Позволяет ему по широкому кругу вопросов внутренней политики,

безопасности, социально-экономической политики исповедовать разные подходы, предотвращая единомыслие и упрощенчество. В целом, по ряду параметров, выступает одним из несущих столпов ЕС и предоставляет альтернативу.

Вместе с тем, Великобритания очень часто играет роль тормоза на пути углубления европейской интеграции. Она жестко противостоит континентальным поползновениям к федерализации, необъявленной передаче от государств-членов на наднациональный уровень все новых и новых суверенных полномочий и прерогатив. Самоустранилась от участия в таких знаковых проектах ЕС, как единая валюта, Шенген, общее пространство свободы, безопасности и законности, социальная Европа и т.д. Выступает против обособления ЕС от НАТО в военно-политической области. С подозрением относится ко всем идеям общего контроля ЕС за финансовой, банковской, бюджетной и фискальной сферой. Продвигает либеральную модель работы на мировом рынке, считая, что приоритетом ЕС должны быть достройка и рационализация общего экономического пространства. Только таким образом можно будет обеспечить мировую конкурентоспособность интеграционного объединения.

В целом, Великобритания намного более критично, чем другие ведущие страны ЕС, относится к тому, что и как делает ЕС. Евроскептицизм является политическим кредо для значительной части населения страны. С позиций евроскептицизма выступают многие политические силы. Но есть существенный момент, который их политические оппоненты и недобросовестные комментаторы зачастую замалчивают. Скептицизм направлен не против ЕС или европейского проекта, как таковых, а тех перегибов в его реализации, которые они считают неприемлемыми, против которых борются и намерены биться в дальнейшем еще решительнее. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Тем не менее, хитросплетения внутривнутриполитической борьбы в Великобритании привели к возникновению ситуации, крайне опасной для целостности и будущего Европейского Союза. Возможность выхода страны из ЕС стала вполне реальной. Вокруг него развернулась нешуточная борьба. Премьер-министр Дэвид Камерон пообещал провести референдум о членстве страны в ЕС. Не сейчас. Не скоро. После парламентских выборов 2015 года. Но время летит очень быстро. Обещание дано. Его не вернуть. Обещание надо выполнять. Большой вопрос – как.

Расчет Дэвида Камерона поначалу казался вполне выверенным. Отодвигая аж на 2017 г. проведение референдума, он надеялся оставить на потом и полемику по поводу возможного выхода из ЕС. Получилось несколько иначе. Poleмика разгорелась с новой силой, как если бы подбросили дров в огонь. Более того, перспектива референдума ее институализировала, сделала постоянным фактором политической жизни страны.

Объявляя о референдуме, премьер-министр намеревался успокоить страсти. Они разгорелись с невиданной силой. Бросая кость разномастному лагерю евроскептиков, Дэвид Камерон полагал, что одержит победу над своими политическими противниками. С одной стороны, успокоит бузотеров в рядах своей собственной партии. С другой – выбьет оружие из рук сильно досаждающей ему Партии независимости Соединенного Королевства. Она возделывает делянку на том же участке политической поляны, что и консерваторы, и оттягивает к себе голоса их сторонников.

На деле он поставил себя в уязвимое положение. Ведь чтобы показать серьезность своих намерений, ему надо выколачивать из партнеров по ЕС серьезные уступки. На них никто идти пока не собирается. Радикалов брошенной им костью успокоить не удалось – они сразу потребовали большего и начали упрекать лидеров партии в слабых характеристиках и непоследовательности. Заткнуть рот Партии независимости тоже не получилось. Она лишь набрала очки. Встала вровень с системными партиями[75]. Прорубила себе дорогу в святая святых современной политики[76]. Провозгласила себя единственной по-настоящему монолитной, честной и последовательной политической силой Великобритании. Получила возможность уличать правящую партию в «обмане и мошенничестве». Использовала обещание премьера как дополнительный аргумент в пользу обоснованности и актуальности своего подхода. Заставила о себе говорить как о реальном претенденте на победу на майских выборах в Европейский Парламент[77].

Таким образом, вопрос о членстве в ЕС, принадлежности к ЕС, самоуправстве Брюсселя и попытках континентальной Европы диктовать свои условия Туманному Альбиону оказался в центре политической жизни Великобритании. По нему идет стратификация британского общества. Он определяет разломы внутри политических партий. Он провоцирует постоянную нервозность среди предпринимательских кругов. Им-то в принципе понятно, насколько бизнес и Сити потеряют, если страна все же выйдет из ЕС. Позиции финансового центра, вокруг которого строится сейчас экономическая мощь Великобритании, будут подорваны. Промышленность и сектор услуг потеряют возможность привлекать инвестиции, позиционируя себя в качестве ворот в ЕС. Конкурировать на едином рынке ЕС британскому капиталу станет неизмеримо сложнее. Плюс вопрос о членстве превратился в один из стержневых для протестного движения. На него нанизываются и многие другие, связанные в том числе с отрицанием глобализации, миграцией, свободой предпринимательской деятельности и т.д.

Однако когда англичане говорят и пишут о членстве в ЕС, они имеют в виду вовсе не дихотомию: оставаться в ЕС или выходить из интеграционного объединения. Для них ключевое значение имеет несколько другое. Они размышляют о том, что нужно сделать с ЕС, как его перестроить, трансформировать, «улучшить», чтобы, в этом случае, в нем остаться, и цепляться ли за членство, если это не получится. То есть ситуация намного более сложная, противоречивая, многоплановая, нежели ее зачастую рисуют комментаторы. Ведь гораздо проще сказать: в Великобритании критически много евроскептиков. Они толкают страну к выходу из ЕС. Отнюдь нет.

Акценты расставляются совсем иначе. Примерно так. Великобритания заинтересована в гораздо более эффективном ЕС. В таком ЕС, который бы лучше обслуживал интересы своих государств-членов, в том числе Соединенного Королевства. Лондон будет добиваться того, чтобы ЕС развивался именно в таком направлении. Даже ценой своего членства в интеграционном объединении. Поскольку нынешнее положение дел его не устраивает. И только его внутренняя эволюция в правильном направлении, том, которое предлагается Великобританией, которое отстаивается ею, позволит Лондону в нем остаться.

Пока в практическом плане правящая коалиция мало что сделала для того, чтобы конкретизировать свое видение эволюции ЕС. Нет ни переговорной позиции, ни самих переговоров по реформе ЕС. Отсутствует и текст поправок в учредительные договоры,

оттолкнувшись от которых, можно было бы запустить консультации и составление дорожной карты реформ. Это все, скорее, относится к числу последующих шагов. Важно, что есть само видение. В упрощенном виде оно сводится, по большому счету, к двум тезисам.

Первый: ЕС не должен заниматься всем, лезть во все, оттесняя и подменяя национальное государство, душа его инициативу и самостоятельность, и размениваться по мелочам. Ему необходимо сосредоточиться на главном. Решать стратегические вещи. Концентрироваться на том, с чем национальные государства сами по себе, по отдельности не в состоянии справиться. Посвящать себя той деятельности и в тех областях, где от него можно будет получить максимальную отдачу. Соответственно нужно провести инвентаризацию полномочий и функций ЕС, оценить их под этим углом зрения и заново перераспределить между институтами ЕС и национальным государством.

Искомый результат «перестройки» – дать ЕС все те полномочия и инструменты, которые позволят ему решать стоящие перед ним задачи в полном объеме, вернуть обратно национальному государству все лишнее, что было ранее передано на наднациональный уровень. Если воспользоваться чуть более профессиональным юридическим языком, скорректировать реестр исключительных прав (компетенции) ЕС и заставить всех неукоснительно следовать принципам пропорциональности и субсидиарности. В переводе на обычный язык – добиться, чтобы ЕС занимался только тем, что необходимо, и в том объеме, в котором это необходимо.

Второй. В тех областях, которые останутся за ЕС, он должен действовать намного напористее и результативнее, чем сейчас. Будь то внешняя политика или совместное продвижение экономических интересов, не важно. Главное – сориентировать его на скорейшее и эффективное решение тех задач интеграции, о которых заново договорятся государства-члены. Некоторые из них совершенно очевидны. Общий, а тем более единый рынок не достроен. Более-менее работает только та его часть, которая касается свободного движения товаров. Те подходы, которые были использованы ранее при обеспечении свободы передвижения рабочей силы или свободы передвижения вообще, надо уточнять, приводить их в соответствие с современными реалиями. Что касается свободы предоставления услуг, здесь конь не валялся. Эту часть общего рынка потребуется строить заново. Слить воедино разрозненные, национально замкнутые рынки услуг – вот по-настоящему большая, значимая цель. Задача на десятилетие вперед.

И в области свободного движения капиталов есть над чем потрудиться. И в области обеспечения добросовестной конкуренции. Чтобы единым правилам подчинялись все те области экономической деятельности, в отношении которых до сих пор остаются многочисленные изъятия.

Авангард ЕС оторвался от тылов. Государства-члены побежали двигать интеграцию вглубь или в новые сферы деятельности, не удосужившись до конца или хотя бы по большей части решить задачи предыдущего этапа интеграционного строительства. Надо себе в этом честно признаться. Поменять повестку дня. Навести порядок в собственном доме, вернее в той его части, которая, якобы, построена. Потом заниматься возведением новых этажей.

Когда Дэвид Камерон объявил о проведении референдума, изложенное им видение того, по

какому пути могло бы пойти реформирование ЕС, континентальной Европой было воспринято в штыки. И британские евроэнтузиасты дружно выступили с шельмованием выдвинутых им идей. Тогда не нашлось ни одного видного политика, который не высказался бы в том ключе, что постановка вопроса о том, оставаться в ЕС или выходить из него, подрывает все здание европейской интеграции. Она наносит удар в спину. Противоречит коренным интересам европейских народов. Тянет всех назад в прошлое. В общем, опасная, вредная, никому не нужная затея, о которой хотелось бы забыть. И как можно быстрее.

Не получилось. Возможный выход Великобритании из ЕС стал дамокловым мечом, нависшим над европейским проектом как в масштабах Великобритании, так и всей Европы. Над тем, как парировать эту угрозу, задумались во всех столицах, задумались и оппоненты тори. И тут выяснилось, что парировать его можно только согласившись в той или иной степени с тем видением реформирования ЕС, которое предложил Дэвид Камерон. Ведь его критическая оценка сегодняшнего состояния ЕС в какой-то своей части вполне реалистична и обоснована. А то, что им предлагается, отвечает прагматическим целям и базовым представлениям европейского строительства.

Может быть, этим объясняется целый ряд встречных инициатив, с которыми в первой половине 2014 г. выступили ведущие политики и Великобритании, и некоторых других тяжеловесов ЕС. Свой перечень претензий к ЕС обнародовали Нидерланды. Они в своей интерпретации выдвинули всю ту же идею Дэвида Камерона об инвентаризации функций и полномочий ЕС и предложили вернуть обратно на национальный уровень где-то около 42 из них. О необходимости глубокой перестройки ЕС, но во имя членства в нем, заявил лидер лейбористов Эд Милибэнд. Компромиссный проект учета требований и пожеланий Великобритании озвучила Ангела Меркель.

Дэвид Камерон объявил о проведении референдума уже давно. С тех пор потенциальные избиратели и бизнес пребывали в неведении относительно того, какую позицию займет оппозиция, какую альтернативу предложит руководство лейбористов. Эд Милибэнд отмалчивался до последнего. После того, как в Великобритании побывала канцлер Германии, дальше держать паузу было уже нельзя. Лидеру оппозиции пришлось высказаться. Он сделал это в чисто британской манере.

С одной стороны, Эд Милибэнд дистанцировался от идеи референдума. С другой – не исключил возможности его проведения, если на выборах 2015 года победят лейбористы. Комментируя его высказывания, «Файнэншл Таймс» в своей передовице осторожно обмолвилась, что они у него получились несколько «двусмысленными»[78].

Как это обычно бывает, раскритиковать подход консерваторов у Эда Милибэнда получилось вполне убедительно. Мол, вместо того, чтобы броситься решать проблемы экономики, безработицы, повышения благосостояния населения, они после выборов намерены растрачивать время и силы впустую, продолжая нескончаемые дебаты по поводу того, выходить им из ЕС или оставаться[79].

Это какая-то паранойя. Подход полный противоречий, «продиктованный слабостью». Ведь у Дэвида Камерона нет стратегии ведения переговоров по изменению учредительных договоров ЕС. Понятно же, что ни Германия, ни другие страны континентальной Европы на них не

пойдут. Все инициативы Британии они заблокируют. Дабы получить новые договоры, необходимо единогласие. О нем не может быть и речи.

Но Дэвид Камерон не в состоянии даже сказать, он поведет кампанию в пользу членства или выхода из него, упрекнул его, среди прочего, лидер лейбористов. Критика хлесткая, надо признать. Обидная. Запоминающаяся. Хотя, может быть, несколько поверхностная. И не очень понятно, как она вяжется с проанализированным выше видением глубинной реформы ЕС и тем выбором, который стоит за обещанием провести референдум.

Спишем, однако, слишком уж бросающиеся в глаза передержки на эмоциональную энергетику борьбы между закоренелыми политическими противниками. Посмотрим лучше, что Эд Милибэнд предлагает по существу. Само собой разумеющиеся заклинания сосредоточиться на главных для Великобритании темах, а не на несчастном референдуме, отставим в сторону. И тут выяснится, что расхождения между левыми и правыми в Соединенном Королевстве не такие уж глубокие.

Лейбористы, как и консерваторы, недовольны ЕС. Они считают, что интеграционное объединение нуждается в глубоком реформировании. Что его предназначение - лучше обслуживать интересы жителей Туманного Альбиона. «Британцы, — заверил Эд Милибэнд, — должны более эффективно продвигать изменения внутри ЕС».

Эти изменения, по его мнению, призваны скорректировать функционирование ЕС в двух отношениях. Тенденции ко все большему и всеобъемлющему сближению в рамках Союза следует положить конец, и перераспределить обратно полномочия между институтами ЕС и государствами-членами таким образом, чтобы вернуть больший контроль национальным парламентам. Политику же, осуществляемую ЕС, переформатировать, адаптировав применительно к нынешним реалиям и нацелить на решение приоритетных задач.

К их числу лейбористы относят достижение синергетического эффекта в области экономики, повышение конкурентоспособности, увеличение занятости среди молодежи, переналадку хозяйственного механизма на обеспечение роста благосостояния населения. Но не только. В этом же ряду Эд Милибэнд перечисляет фактическое ужесточение миграционного режима внутри ЕС и пресечение социального демпинга при ввозе рабочей силы. Коннотации с тем, о чем говорит, на чем настаивает Дэвид Камерон, разительные.

Вы спросите, в чем же изюминка позиции Эда Милибэнда. Она в отношении к ЕС и тактике действий. Консерваторы, с учетом разлада в их стане, влияния евроскептиков и угрозы со стороны Партии независимости, вынуждены лавировать. Их позиция действительно двусмысленная и уклончивая. Лейбористы могут позволить себе пренебречь сторонниками выхода из ЕС в своих рядах и вполне определенно провозгласить: мы за евроинтеграцию. Мы за укрепление ЕС в той степени, в какой это отвечает интересам нашей страны. Мы за усиление наших позиций в ЕС и превращение Соединенного Королевства в подлинного лидера ЕС. Мы будем бороться против выхода из интеграционного объединения, одновременно реформируя его и переналаживая. Но при этом предупреждаем всех в ЕС: если вы захотите снова передать на наднациональный уровень еще какой-то кусок государственного суверенитета, тогда вы будете иметь дело с референдумом в нашей стране, но не по вопросу о внесении изменений в учредительные договоры, а о членстве Великобритании в ЕС.

Прямо скажем, подобная тактическая линия Сити понравилась. Она показалась бизнес сообществу гораздо более выигрышной и прагматичной. Никаких обязательств по проведению референдума. Никаких сроков. Полная свобода рук. И в то же время грозное предупреждение континентальной Европе: дамоклов меч в наших руках. Если и когда нужно, мы всегда сможем им воспользоваться. Например, если еврозона совсем уж распоясается и возомнит о себе черти чего. Так что, ни-ни. Плюс никаких случайностей. Ничто в 2017 г. по ошибке, из-за того, что кто-то чем-то недоволен, не выкинет Великобританию из ЕС.

Выступая от имени Сити, «Файнэншл Таймс» открыто поддержала уловки лидера лейбористов. «Наша газета приветствует реализм г-на Милибэнда», — подчеркивалось в одной из ее передовиц[80]. Но и в такой линии редакционная коллегия газеты увидела слабинку. Главе оппозиции попеняли на то, что он увязал с референдумом передачу на наднациональный уровень любых дополнительных полномочий. На ее взгляд, стоило бы проявить большую осторожность. И еще ему указали на то, что он попытался лишить британцев права выбора в случае, если переналадка ЕС произойдет без существенного перераспределения полномочий между государствами-членами и институтами ЕС, но за счет интересов Великобритании. А вдруг она поведет к маргинализации страны в рамках обновленного интеграционного объединения. Вдруг она придаст еврозоне гипертрофированный вес за счет всех остальных и в первую очередь Соединенного Королевства.

Заигрывание различных политических сил Великобритании с идеей о референдуме имело неожиданный внешнеполитический эффект — оно привело к еще большему усилению позиций Германии. Британцы могли бы побороться с немцами за влияние в ЕС. У них есть для этого все основания. Однако они частично самоустранились, открыв Берлину путь к доминированию в Европе. Дэвид Камерон, пообещав референдум, увязанный с успехом переговоров внутри ЕС, в какой-то степени подставился. Он передал ключ от своего будущего в руки партнеров по ЕС. Прежде всего, в руки Германии, как решающей инстанции на континенте. Грех было бы такой возможностью не воспользоваться. Как пошутил однажды кто-то из немецких дипломатов, у Берлина теперь двойное призвание — «спасать евро» и «спасать Дэвида Камерона от его собственных политических просчетов»[81].

Германии, конечно же, терять Великобританию как члена ЕС очень не хочется. Без нее и ЕС совсем не тот, и союзников, которыми можно было бы балансировать тесные связи со строптивой Францией, на порядок меньше. К тому же Берлину многие требования Лондона о повышении эффективности ЕС откровенно выгодны. Он сам призывает Брюссель эволюционировать в данном направлении. Поэтому Ангела Меркель предложила Дэвиду Камерону вполне ожидаемый компромисс — вместе работать над совершенствованием ЕС по тем направлениям, которые дороги Лондону, с тем, чтобы сделать референдум бессмысленным и ненужным.

Для этого было бы логичным, по ее мнению, сформировать ясную, хорошо структурированную программу на пять лет вперед, четко расставить приоритеты и поручить Европейской Комиссии заняться, не покладая рук, ее реализацией. Договорившись одновременно о том, чем она будет заниматься, а чем нет. Вполне естественно, в таком случае, главным приоритетом институтов ЕС станет повышение конкурентоспособности. Как именно — уже неоднократно упоминалось. Через завершение строительства общего рынка. Обеспечение свободы

предоставления услуг (это 70% ВВП региона). Распространение правил добросовестной конкуренции на новые области. Заключение углубленных соглашений о свободной торговле со всеми, с кем только можно – США, Японией, странами ЮВА, Восточной Европой и т.д.

По мнению экспертов, в этом плане Германия и Великобритания являются естественными союзниками. Подобная повестка дня, считает экспертное сообщество, вполне может быть поддержана «двадцатью восьмью» и воплощена в жизнь[82]. Главное – предложения Ангелы Меркель полностью отвечают интересам Великобритании. Ее сектор услуг в регионе ЕС самый сильный. Особенно его финансовый сегмент.

Вместе с тем, интересам Германии, конечно же, отвечают еще больше. Совместная работа Берлина и Лондона над повышением конкурентоспособности ЕС приведет к усилению интеграционного объединения. В нынешних условиях, когда Берлин осуществляет переформатирование экономики большинства стран ЕС по своему образу и подобию, усиление ЕС означает усиление Германии. Но это только одна сторона медали.

Вторая заключается в том, что привлечение Лондона на свою сторону дает возможность Берлину приватизировать тематику референдума, перехватить ее у британцев и взять дамоклов меч в свои руки. Примерно так: дорогие партнеры по ЕС, давайте соглашаться на предлагаемую повестку дня и неукоснительно ей следовать, иначе вы потеряете Великобританию. Любопытное развитие событий. Правда, ни полностью, ни частично угрозу целостности ЕС оно не снимает.

Судя по всему, к идеям Ангелы Меркель, насколько позволяла внутривнутриполитическая ситуация, в Лондоне прислушались. Уже вскоре появилась общая позиция по некоторым принципиальным вопросам двух правящих коалиций. Она нашла отражение в совместной статье министров финансов двух сторон, помещенной на страницах «Файнэншл Таймс»[83]. В ней обращают на себя внимание, по крайней мере, три момента. Проведение референдума и возможность выхода Великобритании из ЕС вообще не упоминаются. Акцент делается на том, что сближает позиции Берлина и Лондона. Констатируется, что ЕС нуждается в перестройке с тем, чтобы сохранить баланс интересов государств-членов, и указываются приоритетные направления реформ.

Важнейшее из них связано с установлением более четких и согласованных правил в отношениях между еврозоной и всеми странами ЕС, которые в нее не входят, в первую очередь Великобританией, и учетом всех тех новых элементов, которые появились в ее деятельности. Речь идет о достройке еврозоны банковским союзом, включая его основные элементы – создание стабилизационного механизма, передача ЕЦБ функций надзора за ведущими национальными банками и утверждение правил спасения проблемных финансовых учреждений. Второе, что вполне логично, касается осуществления системы мер, призванных повысить конкурентоспособность хозяйственного комплекса ЕС. Одной из таких мер названо заключение торгово-экономических соглашений нового поколения о свободной торговле и гораздо более тесном сотрудничестве в экономической области со всеми основными потенциальными партнерами.

Афишируемую близость позиций Лондона и Берлина экспертное сообщество восприняло с большой долей здорового скептицизма. Очевидно же, что на самом деле правительственные

коалиции в Великобритании и Германии действуют в очень отличной политической среде. Совершенно разной. Несопоставимой. Специфической. Интересы у них трудно сочетаемые. И цели чуть ли не диаметральной противоположные. Совместных позиций или статей можно написать сотни. На злобу дня. С учетом требований момента. Ситуация от этого не изменится.

Кроме того, консерваторам предстоит много потрудиться, чтобы победить на предстоящих парламентских выборах. Их успех отнюдь не гарантирован. Понадобится ли Дэвиду Камерону выполнять данное им обещание, никто предсказать не берется. А вот утверждений о том, что перед лицом нарастающей волны евроскептицизма «двадцать восемь» побоятся трогать учредительные договоры и выносить их на национальные референдумы, более чем достаточно. Итоги майского голосования в Европейский Парламент на многое заставят взглянуть иначе. Давайте вместе немного подождем, а потом снова вернемся к анализу той проблемы, которую ставит перед ЕС Великобритания. Она вполне может заиграть новыми красками. Журнал будет внимательно следить за развитием событий.

На этом разбор фундаментальных проблем, с которыми сталкивается ЕС, временно прерываю. Продолжение в последующих номерах. Встречаемся через месяц. Хорошего чтения!

*© Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО (У) МИД России
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ*

---

[1] Gideon Rachman. "Whatever it takes" may not be enough to save the euro // Financial Times, April 8, 2014. - P. 9.

[2] Wolfgang Munchau. Europe's new boys face a tough fight on austerity // Financial Times, April 7, 2014. - P. 13; Gideon Rachman. "Whatever it takes" may not be enough to save the euro // Financial Times, April 8, 2014. - P. 9.

[3] Pascale Krémer. La quête toujours plus difficile du premier emploi // Le Monde, 9 avril 2014. - P. 6.

[4] Claire Guélaud. l'OECD plaide pour des politiques sociales ambitieuses // Le Monde, 19 mars 2014. - P. 5.

[5] Liz Alderman. Silent crisis hobbles recovery in Europe // International New York Times, April 9, 2014. - P. 1.

[6] Liz Alderman. «Silent crisis» hobbles recovery in Europe // International New York Times, April 9, 2014. - P. 16.

[7] Emploi: un jeune français sur cinq condamné au chômage // Le Monde, 9 avril 2014. - P. 1 .

[8] Pascale Krémer. La quête toujours plus difficile du premier emploi // Le Monde, 9 avril 2014. - P. 6.

- [9] Nathalie Brafman, Elise Vincent. L'«exil» des jeunes diplômés devient un enjeu politique // Le Monde, 8 avril 2014. - P. 10.
- [10] Сравнительный анализ структуры занятости см. Floyd Norris. Less likely, after 6 years, to have jobs // International New York Times, April 19-20, 2014. - P. 14
- [11] Цитируется по Claire Guélaud. l'OECD plaide pour des politiques sociales ambitieuses // Le Monde, 19 mars 2014. - P. 5.
- [12] Denis Cosnard. Alerte! Un nouveau pan de l'industrie va tomber // Le Monde, 18 mars 2014. - P. 20.
- [13] De plus en plus d'entreprises en difficulté // Le Monde, Eco&Entreprise, 16 avril 2014. - P. 5.
- [14] По данным кабинета «Альтарес», опубликованным 15 апреля 2014 г. Приводится по De plus en plus d'entreprises en difficulté // Le Monde, Eco&Entreprise, 16 avril 2014. - P. 5.
- [15] Sarah Gordon. Europe risks adding to distress of insolvent companies // Financial Times, March 13, 2014. - P. 14.
- [16] Adéa Guillot. Deux mémorandums et quatre ans de crise ont changé le visage de la Grèce // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 avril 2014. - P. 6.
- [17] Liz Alderman. «Silent crisis» hobbles recovery in Europe // International New York Times, April 9, 2014. - P. 16.
- [18] Retour spectaculaire de l'automobile en Europe // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 avril 2014. - P. 1.
- [19] Philippe Jacqué. Le printemps de l'automobile en Europe // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 avril 2014. - P. 3.
- [20] Retour spectaculaire de l'automobile en Europe // Le Monde, Eco&Entreprise, 18 avril 2014. - P. 1.
- [21] Philip Scott. Premier worried about Europe // Financial Times, March 3, 2014. - P. 17.
- [22] Ralph Atkins. Yield spread reaches 1990-s levels // Financial Times, March 12. 2014. - P. 20.
- [23] Chris Giles. IMF downturn danger to near zero // Financial Times, April 9, 2014. - P. 1.
- [24] См. его «Перспективы мировой экономики», публичное представление которых состоялось 8 апреля 2014 г. - Claire Guélaud. Le FMI alerte l'Europe sur les risques de déflation // Le Monde, 10 avril 2014. - P. 4.
- [25] Peter Wise. Portugal optimism grows on bailout exit // Financial Times, April 24, 2014. - P. 3.
- [26] Peter Wise. Portugal welfare net stretched to its limits // Financial Times, April 22, 2014. - P. 6.
- [27] Приводится по Gideon Rachman. "Whatever it takes" may not be enough to save the euro // Financial Times, April 8, 2014. - P. 9.

- [28] Robin Wigglesworth. Eurozone periphery nurses debt wounds // Financial Times, April 21, 2014. - P. 1.
- [29] Chris Giles. Borrowing costs to stay low, says IMF // Financial Times, April 4, 2014. - P. 3.
- [30] David Oakley. Irish debt costs hit euro-era low // Financial Times, March 14, 2014. - P. 22.
- [31] Eric Albert. La déprime des indépendantistes écossais //Le Monde, 14 mars 2014. - P. 18.
- [32] Andrew Bolger, Delphine Strauss. Scots vote threatens gilts and sterling // Financial Times, April 19-20, 2014. - P. 12.
- [33] Eric Albert. La déprime des indépendantistes écossais //Le Monde, 14 mars 2014. - P. 18.
- [34] Eric Albert. En Ecosse, le oui à l'indépendance progresse // Le Monde, 13-14 avril 2014. - P. 2.
- [35] Eric Albert. La déprime des indépendantistes écossais //Le Monde, 14 mars 2014. - P. 18.
- [36] Janan Ganesh. Politically Scotland has already left the union behind // Financial Times, April 15, 2014. - P. 9.
- [37] Steven Erlanger, Katrin Bennhold. Scottish nationalist pushes an unwavering message of independence // International New York Times, April 18, 2014. - P. 4.
- [38] Steven Erlanger, Katrin Bennhold. The voice of Scottish nationalism, unwavering // International New York Times, April 18, 2014. - P. 1.
- [39] Roger Cohen. The case for Scotland // International New York Times, April 1, 2014. - P. 9.
- [40] Philip Stephens. Salmond has put Britain on the low road to break-up // Financial Times, April 11, 2014. - P. 9.
- [41] Andrew Bolger, Delphine Strauss. Scots vote threatens gilts and sterling // Financial Times, April 19-20, 2014. - P. 12.
- [42] О позиции Президента Каталонии Артура Маса см. Interview Artur Mas President of Catalonia // Financial Times, April 24, 2014. - P. 3.
- [43] Tobias Buck. Catalonia vows to forge ahead with vote on independence // Financial Times, April 24, 2014. - P. 3.
- [44] Bart De Wever in Amsterdam: «Belgien ist kein normales Land» // Luxemburger Wort, den 15 April 2014. - P. 5.
- [45] Roger Cohen. The case for Scotland // International New York Times, April 1, 2014. - P. 9.
- [46] Paul Collier. Beware the global impact of a Scottish resource grab // Financial Times, April 23, 2014. - P. 7.
- [47] Jim Yardley. Mafia tentacles grow amid European crisis // International New York Times, April 15, 2014. - P. 1.

- [48] Jim Yardley. Mafia's reach in Europe forces a reappraisal // International New York Times, April 15, 2014. - P. 4.
- [49] Jacques de Larosière. Securitised debt could give Europe's economy the kiss of life // Financial Times, April 22, 2014. - P. 11.
- [50] Цитируется по Chris Giles. Recovery «on even keel but bereft of wind to fill sails» // Financial Times, April 7, 2014. - P. 3.
- [51] Chris Giles. Recovery «on even keel but bereft of wind to fill sails» // Financial Times, April 7, 2014. - P. 3.
- [52] Хотя споры среди экспертов по поводу пагубности дефляции продолжаются. Иную точку зрения см. Natacha Valla. Zone euro: la déflation n'est pas à craindre // Le Monde, 14 mars 2014. - P. 7.
- [53] Jack Ewing. Inflation drop fuels fear in euro zone // International New York Times, April 1, 2014. - P. 14; Jack Ewing. Lower inflation rate fuels fears over euro zone health // International New York Times, April 1, 2014. - P. 14.
- [54] La Banque centrale européenne face au spectre de la déflation // Le Monde, 2 avril 2014. - P. 1.
- [55] John Authers. Draghi has to back his QE words with action // Financial Times, April 5-6, 2014. - P. 20.
- [56] Jack Ewing. Inflation drop fuels fear in euro zone // International New York Times, April 1, 2014. - P. 14; Jack Ewing. Lower inflation rate fuels fears over euro zone health // International New York Times, April 1, 2014. - P. 14.
- [57] La Banque centrale européenne face au spectre de la déflation // Le Monde, 2 avril 2014. - P. 1.
- [58] Ralph Atkins, Delphine Strauss. Relentless rise of euro lights a fuse for the ECB // Financial Times, March 14, 2014. - P. 24.
- [59] Claire Jones. Doubts persist over ECB desire to carry out radical action // Financial Times, April 4, 2014. - P. 3.
- [60] Claire Guélaud. Le FMI alerte l'Europe sur les risques de déflation // Le Monde, 10 avril 2014. - P. 4.
- [61] John Authers. Draghi has to back his QE words with action // Financial Times, April 5-6, 2014. - P. 20; Claire Jones. Draghi uses forward guidance against strong euro // Financial Times, March 14, 2014. - P. 5.
- [62] Eduardo Porter. I.M.F.'s new tack emphasizes dangers of income inequality // International New York Times. - April 10. - P. 15.
- [63] Martin Wolf. A more equal society will not hinder growth // Financial Times, April 23, 2014. - P. 7.

- [64] Angela Merkel donne un satisfecit à une Grèce convalescente // Le Monde, 14 avril 2014. - P. 3.
- [65] La Grèce revient sur les marchés // Le Monde, Eco&Entreprise, 11 avril 2014. - P. 1; Marie Charrel, Adéa Guillot. Grèce: un retour sur les marchés très politique // Le Monde, Eco&Entreprise, 11 avril 2014. - P. 3.
- [66] Предупреждающие, что и третий пакет помощи понадобится, и реструктуризация долга, и много-много лет тяжелых дополнительных усилий - Editorial. Greece's long road to recovery // Financial Times, April 11, 2014. - P. 8.
- [67] Объясняющие удачное размещение греческих долговых обязательств вовсе не экономическими подвигами Афин, а временным бегством капиталов из развивающихся стран и уверенностью кредиторов в том, что ЕС Грецию больше не бросит - Marie Charrel. Athènes a réussi son retour sur les marchés. Pour l'instant // Le Monde, Eco&Entreprise, 14 avril 2014. - P. 6.
- [68] La crise qui a radicalement changé le visage de la Grèce // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 avril 2014. - P. 1.
- [69] Adéa Guillot. Deux mémorandums et quatre ans de crise ont changé le visage de la Grèce // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 avril 2014. - P. 6.
- [70] La crise qui a radicalement changé le visage de la Grèce // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 avril 2014. - P. 1.
- [71] Adéa Guillot. Un nombre croissant de Grecs exclus du système de santé // Le Monde, 23 avril 2014. - P. 5.
- [72] Adéa Guillot. Deux mémorandums et quatre ans de crise ont changé le visage de la Grèce // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 avril 2014. - P. 6.
- [73] La crise qui a radicalement changé le visage de la Grèce // Le Monde, Eco&Entreprise, 9 avril 2014. - P. 1.
- [74] Andrew Byrne, Kerin Hope. Greece creditors to debate extra relief // Financial Times, April 24, 2014. - P. 3.
- [75] Настолько, что ее предложили развенчивать даже теми же способами, что и тори, либералов и лейбористов - Editorial. Expose the brittle nature of Ukip // Financial Times, April 19, 2014. - P. 6.
- [76] Matthew d'Ancona. Nigel Farage's big moment // International New York Times, April 1, 2014. - P. 8.
- [77] «Le prochain Parlement européen sera eurosceptique», assure Nigel Farage // Le Monde, 21 avril 2014. - P. 5.
- [78] Miliband's shrewd hand on Europe // Financial Times, March 13, 2014. - P. 8.
- [79] Ed Miliband. Europe needs reform but Britain belongs at its heart // Financial Times, March 12, 2014. - P. 7.

[80] Miliband's shrewd hand on Europe // Financial Times, March 13, 2014. - P. 8.

[81] Приводится по Philip Stephens. Merkel will not banish Britain's EU demons // Financial Times, February 28, 2014. - P. 9.

[82] Hugo Dixon. Competitiveness is E.U.'s crying need // International New York Times, March 3, 2014. - P. 18.

[83] George Osborne, Wolfgang Schauble. The eurozone cannot dictate Europe's rules alone // Financial Times, March 28, 2014. - P. 11.

№4(86), 2014